

Российская национальная библиотека
Международная ассоциация «Библиотека Балтика»

**Выход к Балтийскому морю:
карты и другие информационные
ресурсы Балтийского моря
и прибрежных территорий**

IX Международный симпозиум

Материалы симпозиума

23—24 октября
2008

Санкт-Петербург
2010

УДК 913(4)
ББК 63.218 + 26.89(4)
В 94

Научные редакторы: Д-р Юрген Вармбрунн, Институт им. Гердера (Марбург, Германия), канд. геогр. наук Людмила Кильдюшевская, канд. геогр. наук Татьяна Петрова, Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Сборник «Выход к Балтийскому морю: карты и другие информационные ресурсы Балтийского моря и прибрежных территорий» включает доклады IX Международного симпозиума, проходившего 23—24 октября 2008 г. на базе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и организованного международной организацией «Библиотека Балтика». В нем представлены тексты докладов, сделанных хранителями коллекций карт и учеными, авторитетными в разных областях науки из Германии, Латвии, Польши, России и Швеции. Рассмотрен широкий круг проблем, связанных с общими географическими проблемами Балтийских стран, изучением коллекций карт этого региона, их оцифровкой и организацией широкого доступа к картографическому наследию, с созданием географических баз данных, перспективам электронных библиотек. Ряд докладов посвящен прикладным вопросам использования карт в научных исследованиях различных направлений, в частности — в историко-географических исследованиях и филологии.

Edited by: Dr. Jürgen Warmbrunn, Herder Institute (Marburg, Germany), Dr. Ludmila Kildushevskaya, Dr. Tatiana Petrova, National Library of Russia (St. Petersburg)

The book «Access to the Baltic Sea: Maps and Other Information Resources in a Seabound Area» contains papers delivered at the IX International Symposium of «Bibliotheca Baltica». The Symposium took place at the National Library of Russia (St. Petersburg) on October 23—24, 2008. Authors of the papers are curators of library collections of maps, scholars in the areas of library science, geography, cartography, and history. They came from Germany, Latvia, Poland, Russia and Sweden. The papers cover a wide range of issues, related to the study, description, attribution, and preservation of maps, as well as their digitization and use in the digital environment. Some papers examine the role of maps and cartographic data in the research done in such areas as history, geography and philology.

Подписано к печати 09.02.2010. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Уч. изд. л. 9,0. Тираж 200. Заказ № 19.

Издательство «Российская национальная библиотека». ОП
191069 Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

ISBN 978-5-8192-0409-2

© Российская национальная библиотека,
2010 г.

Диалектологические карты балтийских языков как вехи истории науки: сохранность и доступность

*Алексей Андронов, Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия,*

Dialectological Maps of Baltic Languages as Milestones in the History of Science: Preservation and Accessibility

*Aleksey Andronov, St. Petersburg State University,
Russia*

The states and peoples united by the Baltic Sea have many common features in the fields of history, culture and language. These features become more evident when depicted on various thematic maps. These are, however, not only mere illustrations, but also a method of reaching conclusions. Viewed historically these maps are an important source reflecting the progress of the corresponding branches of science. The preservation and study of the thematic maps of older times require the collaboration between librarians and specialists in the concrete sphere of human knowledge.

This article comments on the beginnings of linguistic geography and reviews the first dialectological maps of the Baltic languages (Kurschat 1876 and Salys 1933 for Lithuanian, Bielenstein 1892 and Rūķe 1939—1940 for Latvian). The development of linguistic geography was connected with the comprehension of the independent property of linguistic borders, which do not coincide directly with administrative or natural ones. The name commonly used now for these linguistic borders — isoglosses — was created by the Latvian scholar August Bielenstein in 1892. The linguistic diversity of Latvian was presented quite thoroughly with isoglosses on the maps of Velta Rūķe. After the Second World War, however, Latvian linguists returned to the tradition of extrapolating administrative borders on the dialectological maps. They concentrated mostly on the description of the vernaculars of separate estates or districts. Paying less attention to the

linguistic distinctions and borders obscures the criteria used to classify dialects and Concern for dialectological maps as sources for the history of science presupposes two tasks: searching for and studying the maps once created (such as the 200 provisional maps for the Atlas of the Latvian language that were prepared by V. Rūķe, but whose fate after the Second World War is unknown) and making maps based on data collected but not presented cartographically (such as A. Bezenberger's line separating Lithuanian and Prussian ethnic territory). An electronic anthology of dialectological maps would contribute to the preservation of this important material and to making it available for further research.

„...Though possibly many... Histories may have been written in former Ages, yet few have scaped the Injury of Time, so as to be handed safe to us. ...Such as were written, remain'd for the most part Imprison'd in the Cells of some Library or Study, accessible to a small number of Mankind, and regarded by a less, which after perished with the Place or the Decay of their own Substance. ...It were very desirable therefore that the Causes of these and other Defects being known, some Remedies might be found to prevent the like Losses for the future“

Robert Hooke *

В предисловии к «Исторической повести о Цейлоне» Р. Нокса, фрагмент которого приведен в эпиграфе, замечательный английский физик Роберт Гук (1635—1703) лишь вскользь коснулся роли библиотек в сохранении культурного наследия прошлого,— больше внимания он уделил задаче публикации и перевода, то есть обеспечению доступности этого наследия. Эти два аспекта — сохранение и доступность — действительно тесно переплетены. Крупные библиотеки, ар-

* R. Hooke. The Preface // R. Knox. An Historical Relation of the Island Ceylon in the East-Indies. London, 1681. («Хоть и большое число историй, возможно, было написано в предшествующие века, лишь немногие избежали несправедливости времени, чтобы благополучно дойти до нас. Те, что были написаны, по преимуществу остались заточенными в пределах какой-либо библиотеки или исследования, доступные для малой части человечества и оцененные еще меньшей, а позже погибли вместе с местом или распадом составляющей их материи. Было бы крайне желательно поэтому, чтобы — при известных причинах этих и других недостатков — были найдены средства для предотвращения подобных потерь в будущем»).

хивы, музеи не могут быть только хранилищами информации — это и научные центры, ведь богатство фондов никогда не оставляет равнодушными хранителей, естественно возникает стремление не только к их упорядочению и описанию*, но и к более глубокому изучению, к извлечению уроков из содержания материалов. Многообразие и сложность этих требующих раскрытия и анализа памятников культуры обуславливает необходимость сотрудничества специалистов разных областей.

Балтийское море объединяет окружающие страны не просто как географический объект, не просто как транспортная магистраль для пассажирских и торговых перевозок или водный резервуар, экология которого должна являться общей заботой. Регион Балтийского моря объединен тысячелетиями общей истории: это и древнейшие контакты балтов с прибалтийскими финнами, и военные набеги скандинавов, и драматические времена крестовых походов, и расцвет Ганзейского союза. Общая история оставила след в культуре и языке народов, окружающих Балтийское море. Этот след может, в частности, быть представлен на карте (особенности языка и культуры) и исследован географическими методами (так, например, «территориальное распределение диалектных черт является как бы пространственной проекцией пройденного языком и диалектами исторического пути» [Аванесов 1949: 292—293]).

Долгое время основной задачей картографии являлось уточнение географических карт, совершенствование методов картографирования. Изучению этого процесса, начиная с древнейших источников, хранящихся в музеях, архивах и библиотеках, посвящены многие исследования как частного, так и обобщающего характера. Уже во введении к своей «Истории географических карт» (1949 г.) Л. А. Браун прекрасно охарактеризовал специфику картографических материалов, объясняющую, почему так много из них не дошло до современных исследователей, и показал трудности, связанные с задачей составления полной карты земной поверхности [Браун 2006: 15—20, 22—24]. В на-

* Вспомним слова М. А. Корфа: «Плохой библиотекарь, мало вдохновенный чувством порядка и упрямый» [ИПБ за сто лет 1914: 217] (оригинал записки М. А. Корфа В. Ф. Одоевскому хранится в Отделе рукописей РНБ: ф. 380 «Архив М. А. Корфа», д. 300, л. 2 об.).

ши дни необходимая точность географических карт, вероятно, во многом уже достигнута (в частности, благодаря возможностям аэро- и космической съемки), но все большее значение приобретает применение карт в других науках, создание карт тематических (геологических, климатических, экономических, этнографических и др.). Тематические карты отражают достижения конкретной области знания, изучение их истории полезно для осмысления хода развития, извлечения уроков и определения дальнейших путей научной работы. Именно на это обращает внимание Л. С. Багров, говоря, что «карты есть материал для научных исследований, в особенности в том, что касается истории цивилизации и науки; карты являются произведениями искусства; в картах воплощены усилия и достижения человеческого интеллекта, и одно это делает их достойными внимания коллекционеров» [Багров 2004: 11]. Междисциплинарный характер и разнообразие тематических карт не позволяет, однако, проводить такие исследования лишь силами самих библиотек-хранилищ без участия представителей соответствующих наук.

Развитие тематических карт активизировалось в середине XIX в., когда прогресс и дифференциация наук привели к идее отражения накопленных знаний о природе и обществе на географической карте, вскоре ставшей не просто способом наглядного представления материала, но и средством обнаружения и изучения взаимосвязи между описываемыми явлениями, постепенно оформившимся как самостоятельный научный метод. Так, до возникновения лингвистической географии «можно было очень хорошо изучить каждый отдельно взятый диалект какого-либо языка, однако связь между диалектами, их сходства и различия, причины этих сходств и различий и т. п. по большей части оставались скрытыми и необъясненными» [Йордан 1971: 219].

Формирование лингвистической географии как научного метода связывается обычно с именами Георга Венкера в Германии и Жана Жильерона во Франции — авторов первых диалектологических атласов немецкого (1926 г.) и французского (1902—1910 гг.) языков, однако целенаправленная работа по собиранию материалов для отдельных диалектных карт была начата в разных странах задолго до выхода в свет их обобщающих работ. В России еще в 1851 г. в статье «Замечания о материалах для географии русского языка» И. И. Срезневский писал: «Вопросы географические в языкознании — самые современные; но-

вее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как и в исследованиях о других языках Европы»; «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или в другом крае, и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях — вот задача г е о г р а ф и и я з ы к а . Эта география — в том же роде, как география ботаническая, зоологическая, патологическая, архитектурная, религиозная и т. п.» [Срезневский 1851: 3, 4]. Не только сама идея лингвистической географии, но и ее конкретные задачи вместе с подходами к их решению и подстерегающими исследователя трудностями при собирании материала были изложены И. И. Срезневским с поразительной пронциательностью. Отмечая, что «первой принадлежностью этой лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов» [Срезневский 1851: 6], ученый характеризовал целый ряд конкретных вопросов, составляющих предмет лингвистической географии, в изучении которого карта является лишь средством, наглядным пособием.

В балтийском языкознании идеи лингвистической географии также нашли воплощение в картах, опубликованных во второй половине XIX в. Первая карта распространения литовского языка («Karte der litauischen Sprachgebiets», рис. 1) была помещена в грамматике Ф. Куршайтиса [Kurschat 1876]. На этой карте лишь внешние пределы области литовского языка проведены на основании лингвистических фактов, внутреннее же ее членение привязано к политическим и административным границам (Королевство Пруссия, Российская империя и ее губернии), хотя в самой грамматике охарактеризована и собственно лингвистическая классификация говоров [Kurschat 1876: 9—11]. Шедевром своего времени явилась первая диалектная карта латышского языка («Die lettischen Dialekte der Gegenwart. Isoglossen-Karte», рис. 2), составленная А. Биленштейном [Bielenstein 1892b: Karte VI] — автором самого термина «изоглосса», созданного им по образцу «изотермы» для обозначения линий, «обозначающих границы распространения отдельных диалектных языковых явлений точно так же, как изотермы указывают одинаковый климат и делают видимыми и обозримыми границы распространения определенных растений» [Bielenstein 1892b: 11].

tein 1892a: 391]*. 37 изоглосс карты А. Биленштейна дают уже весьма подробное представление о внутреннем разнообразии латышского языка. Использование такого приема картографирования соответствует «главному положительному выводу из методов лингвистической географии», который «заключается в том, что следует наносить на лингвистические карты не границы целостных диалектов или диалектных групп, а лишь распространение отдельных конкретных диалектных явлений» [Мещерский 1972: 20].

Диалектологические исследования всегда занимали видное место в балтийском языкознании. При изучении исторической грамматики сравнительно позднюю письменную фиксацию балтийских языков (полноценные письменные памятники относятся к XVI в.) было призвано компенсировать именно внимание к материалам народных говоров [Zinkevičius 1978: 8]. Несмотря на кропотливую работу и замечательные результаты, достигнутые в изучении и классификации диалектов балтийских языков в конце XIX — первой четверти XX в. (труды А. Баранаускаса, К. Яунюса, К. Буги, А. Беценбергера, К. Мюленбаха, Я. Эндзелина и др.), к составлению диалектологических карт ученые обратились лишь в 1930-х гг. В 1933 г. была опубликована первая собственно диалектологическая карта литовского языка [Salys 1933] (рис. 3). Представленная А. Салисом классификация (опирающаяся на взгляды К. Яунюса) служила основой для описания литовских говоров почти полвека. В свою очередь, достижения латышских диалектологов в 1920—30-х гг. позволили В. Руке опубликовать несколько обобщающих карт латышских говоров [Rūķe 1939a; 1940], гораздо более подробных, чем карта А. Салиса, и отражающих как фонетические, так и морфологические особенности (рис. 4, 5). В. Руке подготовила также пробные карты для атласа латышского языка (около 200 по лексике и 10 по фонетике) [Rūķe 1947: 117, 121; 1954: 412]. Работа по выполнению этих карт, общие принципы и конкретные приемы, использованные при их составлении, были подробно описаны В. Руке уже после отъезда в эмиграцию в 1944 г. По ее словам, «уже составленные предварительные карты атласа латышского языка (общим числом около 200) вместе с другими материалами остались частично в здании Хра-

* «Большая советская энциклопедия» ошибочно приписывает авторство термина «изоглосса» итальянскому языковеду М. Бартоли (Т. 3, М., 1970.— С. 22).

нилища латышского языка, частично в сейфах, и есть основания надеяться, что они нетронутыми перешли в ведение проф. Эндзелина в новоучрежденном Институте языка и литературы Латвийской Академии наук» [Rūķe 1947: 125]. Однако в настоящий момент о дальнейшей судьбе этого ценнейшего памятника латышской диалектологии нет достоверных сведений (ср. [Grūpa 2009]).

В описании диалектного разнообразия языка можно противопоставить два подхода: «дифференциальный», ориентированный на изучение различий соседних говоров и установление изоглосс, и «интегральный», стремящийся к описанию отдельных говоров как цельных языковых систем [Andronovs 2006: 18]. Эти подходы могут повлиять и на диалектную классификацию, обращающую основное внимание либо на географическое распространение отдельных характерных языковых явлений, либо на комплекс общих черт, объединяющих говоры внутри диалектов. Интересно, что преимущественная приверженность одному из двух подходов противопоставляет литовскую и латышскую диалектологические традиции. Это противопоставление находит замечательное выражение в формулировках вузовских учебников по диалектологии, излагающих методику выделения говоров, ср.:

- дифференциальный подход в литуанистике: «Отметив на карте все основные изоглоссы, мы заметим, что область распространения языка они пересекают по-разному... Все-таки немалая часть изоглосс концентрируется в определенных полосах. Эти полосы и ограничивают части области, в которых язык относительно един. Таким образом выделяются говоры» [Zinkevičius 1978: 17];
- интегральный подход в леттонистике: «При знакомстве с речью разных регионов Латвии выделяются три больших полосы говоров. Одну такую полосу образуют говоры побережья Рижского залива... К востоку и югу от этой полосы находится другая, наиболее близкая к литературному языку, а за ней — на востоке Земгале и во всей Латгале расположена третья. Так, в латышской лингвистической литературе принято говорить о трех диалектах» [Rudzīte 1964: 28—29].

Интересно, что, описывая процесс возникновения диалектов, З. Зинкявичюс в первую очередь акцентирует не о д и н а к о в о е развитие языка на разных территориях [Zinkevičius 1978: 14], а М. Рудзите

начинает с формирования общего языка у жителей одной местности [Rudzīte 1964: 27].

Оба подхода имеют свои преимущества в диалектологических исследованиях (ср. также [Rūķe 1939b: 27—28]). Однако классификация говоров, как показала лингвистическая география, должна строиться именно на дифференциальном подходе: «Этническое и национальное самосознание, историко-культурная ориентация, для которых наряду с другими признаками имеет значение и признак общности или различий в языке, обслуживание данной территории единым литературным языком или разными литературными языками — вот что в целом определяет выделение родственных языков и внутри них — больших территориально-языковых массивов (диалектов). Практически эти массивы обычно выделяются самими носителями языка вне зависимости от лингвистического их изучения и до такого изучения. Однако в плоскости принципиальной не из практически известных диалектных массивов надо выводить их языковые особенности, а напротив, из установления специфики диалектного языка на разных территориях надо выводить соответствующие диалектные территориальные массивы» [Аванесов 1962: 26].

Преобладание интегрального подхода в латышской диалектологии привело к отождествлению сетки диалектологической карты с административным делением территории, когда все узлы сетки (т. е. волости) рассматриваются как самостоятельные говоры: «В Латвии, очевидно, в целом имелось столько говоров, сколько было имений»; «С расширением исследований лингвисты пришли к выводу, что в условиях Латвии основной единицей в выявлении диалектных особенностей наиболее целесообразно принимать территорию волости... Таким образом, на территории Латвийской ССР в настоящее время выделяется около 500 говоров» [Рудзите 1969: 5, 6 (= Rudzīte 2005: 41, 42)]. Административные границы волостей становятся при этом «изоглоссами» (ср. шаблон латышской диалектологической карты, выполненный Э. Шмите [LVDA 1999: 12]), лингвистическое содержание которых зачастую остается неизвестным. С другой стороны, территория отдельного «говора» может оказаться весьма неоднородной лингвистически [Rūķe 1939b: 23; 1947: 79; Рудзите 1969: 6—7 (= Rudzīte 2005: 42)]. Несмотря на очевидную порочность ситуации, установившаяся традиция противится как лингвистическому объединению волостей, так и их

рассечению изоглоссами, она же вынуждает М. Рудзите, например, преобразовать изоглоссу № 25 карты А. Биленштейна (переход *a*, *ā* в *o*, *ō*) в искусственно ломаную и даже прерывистую в некоторых местах линию [Рудзите 1969: карта № 10 (= Rudzīte 2005: 118—119)]. Недостаточное внимание к методу изоглосс в латышской диалектографии осложняет наглядное представление и осмысление закономерностей распределения языковых явлений, выявление связей фонетических, морфологических, синтаксических особенностей говоров. Различие в подходах к картографированию диалектных материалов создает дополнительные трудности и при ведущейся в настоящее время работе над объединенным Атласом балтийских языков.

Успех развития любой науки связан с анализом пройденного пути. Без изучения истории невозможно извлечение уроков из опыта предшественников и корректировка проводимых исследований, затруднительна даже сама постановка дальнейших задач. Для изучения истории, в свою очередь, необходим доступ к источникам, которые с течением времени требуют все больше и больше заботы. И если перевод их на современные информационные носители является в основном технической задачей, то поиск утраченных материалов и составление комментариев к вновь вводимым в научный оборот требуют профессиональной подготовки в соответствующей области знания и немалых творческих усилий. История балтийской диалектографии представляет примеры конкретных задач в названных направлениях: весьма желательно комментированное переиздание (например, в электронной форме) лингвистических карт Ф. Куршайтиса, А. Биленштейна, А. Салиса, В. Руке, актуален поиск затерявшихся материалов для латышского атласа В. Руке (и их публикация вместе с другими работами этого замечательного лингвиста), возможно создание новых карт, представляющих сведения, сформулированные пока лишь в словесных описаниях^{*}, необходим, наконец, подробный очерк истории латышской и литовской диалектологии. Такой очерк, снабженный хрестоматией картографических материалов, был бы убедительной иллюстрацией плодотворности сотрудничества, объединяющего библиотекарей и лин-

^{*} Такова, например, до сих пор не представленная на карте «линия Беценбергера», отражающая исконную границу между прусами и литовцами, установленную немецким ученым на основании анализа топонимов Пруссии [Bezenberger 1882; 1883].

гвистов нескольких стран, и средством предотвращения потерь источников, о котором мечтал Р. Гук.

Литература

Аванесов 1949 — Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. I.

Аванесов 1962 — Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

Багров 2004 — Багров Л. История картографии / пер. с англ. Н. И. Лисовой. М., 2004.

Браун 2006 — Браун Л. А. История географических карт / пер. с англ. Н. И. Лисовой. М., 2006. (в русском издании, к сожалению, не воспроизведен научный аппарат английского оригинала: Brown L. A. The Story of Maps. Boston, 1949.)

ИПБ за сто лет 1914 — Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. СПб., 1914.

Йордан 1971 — Йордан Й. Романское языкознание. М., 1971.

Мещерский 1972 — Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.

Рудзите 1969 — М. Рудзите. Латвийская диалектология (фонетика и морфология). Автореферат докт. дисс. Рига, 1969.

Срезневский 1851 — Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1851. Ч. I, кн. I. Отдел V.

Andronovs 2006 — Andronovs A. Par latviešu valodas izloksņu klasifikāciju un dialektu kartēm // Letonikas pirmais kongress. Valodniecības raksti. Rīga, 2006. 8.—31. lpp.

Bezenberger A. Die littaussich-preussische Grenze // Altpreussische Monatschrift. Königsberg, 1882. Bd. 19. S. 651—655.

Bezenberger A. Über die verbreitung einiger ortsnamen in Ostpreussen // Altpreussische Monatschrift. Königsberg, 1883. Bd. 20. S. 123—128.

Bielenstein 1892a — Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg, 1892.

Bielenstein 1892b — Bielenstein A. Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des prachistorischen Lettenlandes. St. Petersburg, 1892.

Kurschat 1876 — Kurschat F. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.

LVDA 1999 — Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. Rīga, 1999.

Rudzīte 1964 — Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964.

Rudzīte 2005 — Rudzīte M. Darbi latviešu dialektoloģijā. Rīga, 2005.

Rūķe 1939a — Rūķe V. Latgales izlokšņu grupējums // Filologu biedrības raksti, Rīga, 1939. S. 19. 133.—188. lpp.

Rūķe 1939b — Rūķe V. Latviešu izlokšņu pētīšanas darbs. 1918.—1938. // Ceļi, Rīga, 1939. S. 9. 20.—42. lpp.

Rūķe 1940 — Rūķe V. Kurzemes un Vidzemes lībiskais apgabals // Filologu biedrības raksti, Rīga, 1940. S. 20. 75.—128. lpp.

Rūķe 1947 — Rūķe V. Latviešu valodas atlants // Acta Societatis philologorum latviensium Suecanae = Zviedrijas Latviešu filologu biedrības raksti, Stokholma, 1947. S. 1. 62.—131. lpp.

Rūķe-Draviņa 1954 — Rūķe-Draviņa V. Über die lettischen Sprachatlas // Orbis. Bulletin international de Documentation linguistique. 1954. T. 3, N. 2. S. 406—414.

Salys 1933 — Salys A. Kelios pastabos tarmių istorijai // Archivum Philologicum. Kaunas, 1933. Kn. 4. P. 21—34 (карта вклеена между страницами 32 и 33).

Trumpa 2009 — Trumpa E. Dažas piezīmes par Latviešu valodas atlanta pirmsākumiem // 45. Artura Ozola dienas konference «Baltu valodas diahroniskāun areālā aspektā». Veltījums Jurim Plāķim (1869—1842) 140. gadadienā. Referātu anotācijas un kopsavilkumi / Latvijas universitāte, Filoloģijas un mākslas zinātņu fakultāte, Letonikas un baltistikas nodaļa, Baltu valodniecības katedra. Rīgā, 2009. gada 20.—21. marts. Rīga, 2008.—47.—48. lpp.

Zinkevičius 1978 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1978.

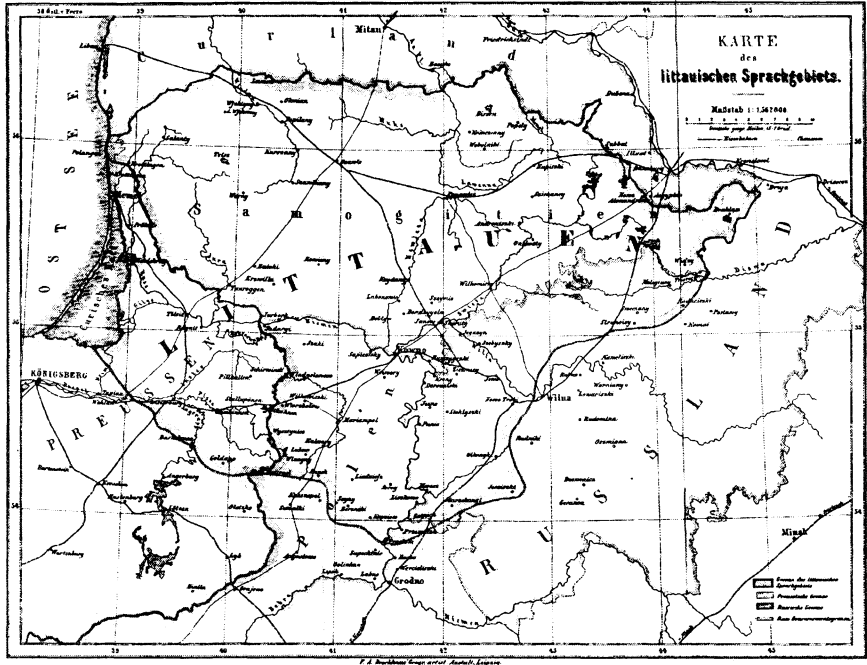

Рис. 1. Ф. Куршайтис. Карта области распространения литовского языка (1876).

Рис. 2. А. Биленштейн. Современные латышские диалекты. Карта изоглосс (1892).

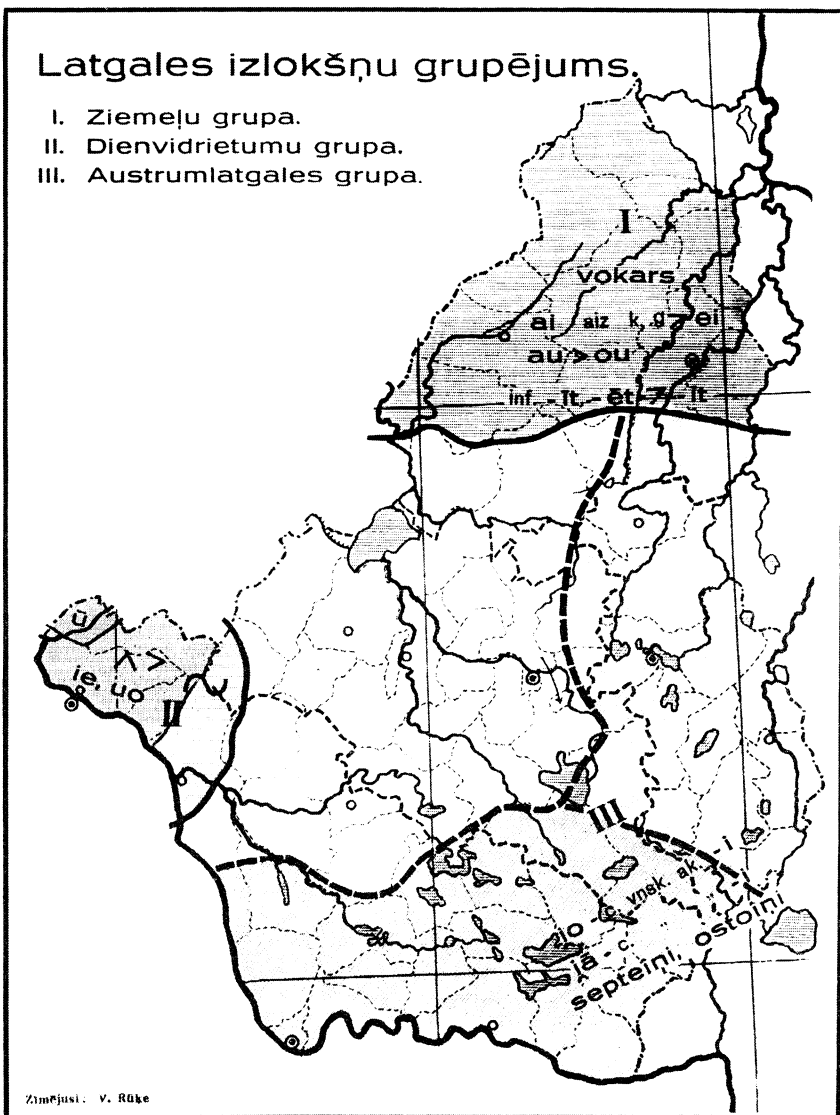

Рис. 4. В. Руке. Группировка латгальских говоров (1940).

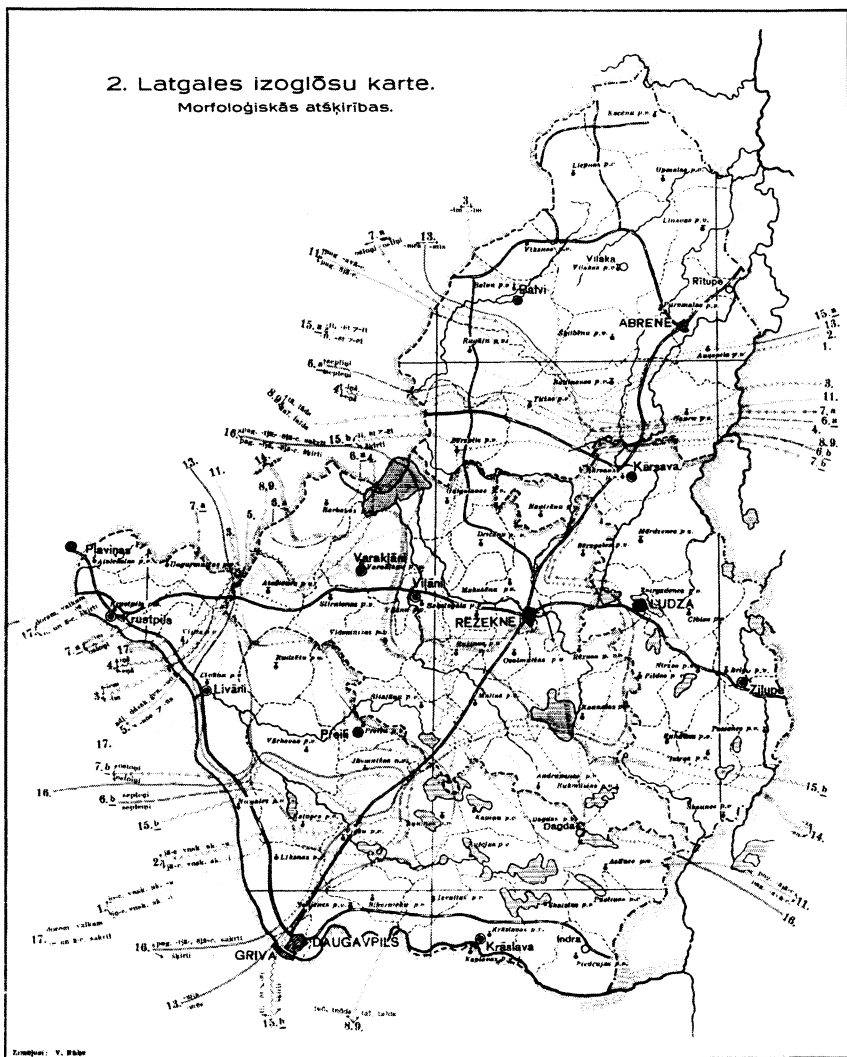

Рис. 5. В. Руке. Карта изоглосс Латгалии. Морфологические различия (1940).